

А.И. Фролов, В.В. Черепанов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОКРЫТИЮ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА ПРИ БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Проводится анализ правовых средств противодействия недобросовестным действиям по сокрытию имущества должника при банкротстве в контексте защиты прав предпринимателей. Используя методологию экономического анализа права, авторы рассматривают проблему рационального выбора оппортунистического поведения при банкротстве, оценивают выгоды и издержки, определяющие выбор оппортунистического поведения контролируемых должников. Угроза «вывода активов» рассматривается как обстоятельство, повышающее транзакционные издержки.

Ключевые слова: сокрытие имущества, вывод активов, транзакционные издержки, экономический анализ права, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство.

Проблема рационального выбора оппортунистического поведения должником. В предельно широкой плоскости распространения различных вариантов оппортунистического поведения участников гражданского оборота обращает на себя внимание проблема «вывода активов» должника накануне его банкротства. Оппортунизм – специальный термин теории экономического анализа права – означает следование своим интересам, в том числе обманным, противоправным путем [1, с. 39–49].

В соответствии с теорией рационального выбора [2, р. 790–818], поддерживаемой исследователями в области экономического анализа права, поведение человека экономического рационально, направлено на максимизацию его материального благосостояния. Далее теория рационального выбора объясняет, что человек принимает решения в результате осознанного им соотношения выгоды (имущественной или неимущественной) и издержек по ее получению.

Предприниматель, столкнувшийся с необходимостью исполнить вынесенное в отношении него судебное решение (например, о взыскании денежных средств, об исполнении обязательства в натуре) будет просчитывать различные варианты своих действий, рассчитывая соотношение своей выгоды от сокрытия имущества от кредиторов с величиной издержек (материальных и нематериальных), которые могут при этом возникнуть. Издержками, возникающими вследствие сокрытия имущества, могут быть расходы на создание и поддержание аффилированных структур-реципиентов, реорганизационно-ликвидационные мероприятия в отношении структур-доноров (в том числе банкротство), совершение мнимых сделок и создание видимости их исполнения, расходы на совершение других действий по сокрытию имущества, расходы в связи с участием в возможных судебных заседаниях по оспариванию сделок контрагентами и многие другие. К издержкам предпринимателя, избравшего вариант недобросовестного поведения, непременно следует относить вероятность привлечения его к юридической ответственности за недобросовестное поведение, виды

и размеры санкций, а также опасность подвергнуться общественному осуждению.

Рациональным¹ выбором коммерсанта является оппортунистическое поведение, если выгоды от такого поведения превышают соответствующие издержки. Не ошибемся, если предположим, что институт банкротства в наше время стал плодородной почвой для различного рода недобросовестных практик, в результате того, что возникающие при этом издержки недобросовестного поведения минимальны.

Повсеместно совершаются недобросовестные действия по выводу имущества в исполнительном производстве, в период, предшествующий банкротству и на различных стадиях банкротства. Типичными являются «вывод» активов в пользу подконтрольных аффилированных структур и фиктивное увеличение кредиторской задолженности должника в пользу подконтрольных кредиторов.

Высокая латентность правонарушений в сфере банкротства одновременно является индикатором низких издержек оппортунизма и способствует росту недобросовестных практик и спросу на них. Институт банкротства воспринимается в качестве возможности избежать уплаты долгов, причем почетной, никак не умаляющей чести и достоинства должника или его учредителей. Спрос рождает массу рекламных предложений о возможности «законно не платить по долгам».

Этот вопрос находится не только в плоскости этики или правоотношений между должником и кредиторами, но имеет широкие негативные экстерналии в экономическом смысле. Создается атмосфера недоверия в бизнесе, подрывается авторитет суда и судебных актов, органов власти, занимающихся исполнением судебных актов.

Необходимость страхования рисков неисполнения обязательств объясняет высокие транзакционные издержки российского бизнеса. Контрагентам зачастую

¹ К сожалению, следует констатировать, что совершение незаконных действий также следует относить к рациональному поведению, особенно если вероятность привлечения к юридической ответственности минимальна

приходится прибегать к дорогостоящим способам обеспечения исполнения обязательств (поручительство, залоги, банковские гарантии и др.). Высокие транзакционные издержки приводят к удорожанию производимых товаров, работ, услуг, что делает их менее конкурентоспособными и, как известно, тормозит развитие экономики.

Очевидно, что требуется усиление контроля и достижение неотвратимости ответственности за сокрытие имущества от кредиторов. При превышении издержек, связанных с сокрытием активов, над стоимостью активов проблема «вывода» активов должника устранилась сама собой.

Гражданско-правовые средства¹ противодействия «выводу» активов и их несовершенство. Основные гражданско-правовые средства возврата в конкурсную массу имущества должника, «выведенного» руководителем или иными контролирующими лицами, следующие: оспаривание подозрительных сделок (ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), сделок по предоставлению предпочтения одному из кредиторов, ст. 61.3 Закона о банкротстве) и субсидиарная ответственность контролирующих лиц (глава III.2 Закона о банкротстве). Эти меры представляются недостаточными.

Законом о банкротстве предусмотрено оспаривание сделок должника, а также сделок, совершенных другими лицами за счет имущества должника. Оспаривание может эффективно применяться к первым звеньям цепочки вывода активов: контрагентам должника, руководству, учредителям. Однако когда имущество «выводится» в пользу последующих звеньев, другим лицам (в т.ч. прикрывающимся статусом добросовестного приобретателя), вернуть его в конкурсную массу затруднительно, затратно либо не представляется возможным. При этом возникают сложности при изъятии имущества не только у добросовестного приобретателя, но и аффилированных с должником лиц.

Толкование понятия «сделка, совершенная за счет имущества должника», – вопрос контроверзный. Может ли имущество квалифицироваться в качестве имущества должника, если: а) имущество должника перешло от первого приобретателя другим лицам, б) на основе имущества должника создан другой объект, в) имущество должника было трансформировано в другое имущество? Нерешенным является вопрос о том, является ли только причитающееся должнику имущество, но не находящееся у него в распоряжении, его имуществом? Эти вопросы не получают однозначного ответа в законодательстве и судебной практике. При этом от ответа на эти вопросы зависит возможность оспаривания сделки по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве.

Наряду с этим существует проблема исполнения долга за должника третьим лицом. Одним из способов оказания предпочтения отдельному кредитору по от-

ношению к другим кредиторам является исполнение обязательства за должника третьим лицом. Оспаривание такой сделки по Закону о банкротстве и возврат имущества в конкурсную массу осложняется сложившимся в судебной практике подходом, в соответствии с которым, в случае погашения долга третьим лицом за должника сделка не может быть признана недействительной, так как совершена не за счет имущества должника. Такой подход представляется неверным. Если третье лицо исполняет обязательство за должника, значит это имеет под собой какие-то основания, хотя бы и скрытые. Имущество, предоставленное третьим лицом кредитору должника, могло бы при других обстоятельствах (если не было бы признаков банкротства) быть предоставлено непосредственно должнику. Представляется оправданным установление запрета на исполнение долга за должника в пользу отдельных кредиторов должника при банкротстве. Последствием нарушения такого запрета целесообразно установить возврат имущества в конкурсную массу и возмещение убытков третьим лицом, предоставившим исполнение.

Недостатками гражданско-правовых средств возврата в конкурсную массу «выведенных» активов должника являются: длительность их реализации, финансовая затратность, отсутствие гарантий.

Банкротство одного должника занимает годы. Если активы выводились по цепочке, может быть необходимым инициирование банкротства промежуточных звеньев, что создает дополнительные транзакционные издержки. Оспаривание сделок должника при банкротстве также может занимать значительное время. При этом перспектива получения средств остается туманной. Если цепочка «вывода» активов теряется в офшоре, то шансы возврата имущества в конкурсную массу сводятся к нулю. Даже в тех случаях, когда у юридического лица есть имущество для погашения долга, оно избегает ответственности.

Возможность привлечения к субсидиарной ответственности руководителей, учредителей и других контролирующих должника лиц (ст. 61.10 Закона о банкротстве) является эффективным инструментом, однако на практике не гарантирует исполнение обязательств перед кредиторами, поскольку имущество этих лиц также может быть умело «спрятано».

При этом возможные риски реализации гражданско-правовых средств противодействия «выводу» активов не останавливают контролирующих должника лиц. Они безнаказанно совершают действия по выводу имущества, передают его другим лицам, а затем и третьим. Учредители и другие контролирующие лица прячутся за корпоративную вуаль юридического лица, избегая гражданско-правовой ответственности.

Многие недобросовестные предприятия пользуются банкротством как способом избавления от долгов. Контролирующие лица «выводят» активы и образуют новое дело, при этом очень часто на основе имущественного комплекса банкрота, выкупая его по сниженным ценам при реализации имущества банкрота.

Гражданско-правовые средства противодействия недобросовестным действиям при банкротстве могут

¹ Авторы статьи намеренно игнорируют существующую дискуссию о соотношении форм, средств и способов защиты права. Для целей настоящей статьи избранный термин «средство» понимается наиболее широко и обнимает как материальные, так и процессуальные инструменты противодействия выводу активов.

быть эффективным средством возврата имущества в конкурсную массу. Однако они не останавливают оппортуниста от попыток «вывести» активы, так как вероятность успеха недобросовестной тактики очень высока, выгоды в виде сохранения имущества привлекательны, а издержки минимальны. Недобросовестный предприниматель рискует возвратом имущества в конкурсную массу, а трудности, с которыми сталкиваются кредиторы, колоссальны: инициирование банкротства, поиск имущества, оспаривание сделок должника, привлечение контролирующего лица к субсидиарной ответственности, затем банкротство контролирующего лица и повторение этой цепочки.

Уголовная ответственность как инструмент противодействия выводу активов. Эффективным, оперативным средством борьбы с недобросовестностью контролирующего должника лица является уголовная ответственность по ст.ст. 195 (неправомерные действия при банкротстве) и 196 (преднамеренное банкротство) УК РФ. Одной из функций уголовного наказания является превенция. К сожалению, об уголовной превенции в области банкротства говорить в настоящее время не приходится. Указанные уголовно-правовые нормы являются «мертвыми». Работники органов предварительного расследования считают указанные составы «криминального» банкротства сложными, недоказуемыми, не видят судебную перспективу, и дела по ним возбуждают с невиданной редкостью.

Специалистами отмечается высокая латентность преступлений в сфере банкротства [3; 4, с. 199–206; 5]. В 2017 г. арбитражными судами России принято к производству 69031 заявлений о признании должника банкротом (из них 33064 – в отношении юридических лиц) [6]. При этом по данным судебной статистики судов общей юрисдикции за 2016 г. по всей стране по ч. 1 ст. 195 УК РФ (сокрытие имущества при банкротстве) осуждено 4 лица по основной статье и 1 по дополнительной квалификации, по ч. 2 ст. 195 УК РФ (неправомерное удовлетворение имущественных требований кредиторов при банкротстве) – 1 лицо по дополнительной квалификации, по ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство) – 25 лиц по основной статье и 22 лица по дополнительной квалификации, по ст. 197 УК РФ (фиктивное банкротство) – 2 лица по основной статье [7]. Бросается в глаза явное несоответствие числа осужденных за преступления в сфере банкротства с количеством банкротств. Несложный подсчет официальной статистики банкротств юридических лиц приводит к выводу, что на одно недобросовестное банкротство приходится по 600 добросовестных. Сложно поверить, что уголовная статистика адекватно отражает реальное положение дел. Специалисты по банкротству знают, что редкое банкротство обходится без «вывода» активов.

Статистика объясняется отчасти сложностью и неопределенностью понятийного аппарата диспозиций ст.ст. 195, 196 УК РФ. Так, П.С. Яни отмечает сложность понимания составов трудностями восприятия криминалистами категорий несостоятельности, имеющих в определённой части фикционный характер, а также множественность результатов толкования [8].

На наш взгляд, проблема ограничивается не только пониманием и толкованием, а более несовершенством самих составов, естественной латентностью и несовершенством правоохранительной системы.

Так, для возбуждения уголовного дела ст. 195 УК РФ необходимо, чтобы неправомерные действия при банкротстве, выражающиеся, в частности, в сокрытии имущества, совершались при наличии признаков банкротства. В соответствии со ст. 3 Закона о банкротстве одним из признаков банкротства является период неисполнения обязательства в течение 3 месяцев. Однако когда сокрытие имущества происходит ранее истечения 3-месячного срока с момента возникновения долга, квалификация по ст. 195 УК РФ исключается. Контролирующие должника лица, чтобы избежать ответственности, предусмотренной ст. 195 УК РФ, «уводят» имущество ещё до возможности установить наличие признаков банкротства, предусмотренных Законом о банкротстве.

Более того, категория «признаки банкротства» в действующей редакции ст. 3 Закона о банкротстве применяется только к юридическим лицам. В отношении банкротства физических лиц применяются хоть и смежные с понятием «признаки банкротства», но нетождественные понятия «неплатежеспособности» и «недостаточности имущества» (ст. 213.4 Закона о банкротстве). Указанное исключает уголовную ответственность за сокрытие имущества физическим лицом (в т.ч. предпринимателем), учитывая запрет применения норм по аналогии в уголовном праве. Причина этой коллизии ясна – уголовный закон не успевает за изменением законодательства о банкротстве¹.

Уголовное преследование за «вывод» активов, совершенный до появления признаков банкротства, содержится в ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство). Конструкция указанного состава обладает рядом недостатков.

Диспозиция ст. 196 УК РФ ориентирована в первую очередь на защиту хозяйствующего субъекта от действий контролирующих его лиц, от причинения ему «экономической смерти» (банкротства) путем совершения действий, в результате которых лицо не сможет рассчитаться перед кредиторами. Это следует из наименования статьи и диспозиции нормы. Отчасти этот вывод подтверждается сложившейся практикой определения размера ущерба (причинение крупного ущерба является обязательным элементом объективной стороны состава). В науке и на практике наиболее распространена точка зрения, согласно которой ущерб определяется суммой уменьшения активов должника [9, с. 386]. Однако при этом упускается из внимания, что убытки кредиторов, возникшие вследствие сокрытия имущества, могут превышать сумму уменьшения активов должника. Не решен окончательно вопрос о том, кого признавать потерпевшим при совершении преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ. Очень часто потерпевшим признается только юридическое лицо, но не его кредиторы [10, с. 18–24]. Отмеченное

¹ Частота изменений ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» также является своеобразным показателем проблем. За период с 2011 по июнь 2018 г. насчитываются 61 редакция закона.

является еще одним подтверждением «продолжниковой» ориентации ст. 196 УК РФ.

Следует отметить, что гражданский оборот нуждается в защите прав кредиторов не меньше, чем в защите хозяйствующих субъектов. Кроме того, защищая юридическое лицо, мы косвенно защищаем и его контролирующих лиц, участников, руководство, в то время как большей защиты требуют добросовестные кредиторы.

Еще одна сложность привлечения к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, кроется в том, что неплатежеспособность может быть связана также с объективными причинами, такими, как: убыточность финансово-хозяйственной деятельности; низкая рентабельность производства; изношенность оборудования; рост кредиторской задолженности; неэффективная производственная деятельность; низкая платежная дисциплина контрагентов; резкое повышение рыночных цен на сырье и материалы, а также другие факторы [11, с. 47–52]. Отмеченное допускает смешение объективных факторов с преступными действиями по сокрытию имущества, что усложняет квалификацию.

Практика нуждается в четких уголовно-правовых запретах сокрытия имущества должника как до возникновения признаков банкротства, так и после этого, обеспечивающих защиту прав добросовестных кредиторов.

Представляется целесообразным введение уголовной ответственности за сокрытие имущества, имущественных прав, иных активов от взыскания в пользу кредиторов, причинившее крупный ущерб кредиторам, вне зависимости от того, повлекло ли это банкротство или совершено в период банкротства или накануне его. Степень общественной опасности такого деяния позволяет относить его к категории преступлений средней тяжести, а при особо крупном размере – тяжким преступлениям. За деяния, не причинившие крупный ущерб кредиторам, можно ввести административную ответственность в виде дисквалификации.

При этом смежные составы действующего уголовного закона не обеспечивают ответственность за «вывод» активов: для квалификации по 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата) УК РФ не всегда при выводе активов возможно доказать корыстный характер изъятия имущества; состав ст. 201 (злоупотребление полномочиями) УК РФ включает ряд обязательных элементов объективной стороны, установление которых нецелесообразно задаче защиты кредиторов от «вывода» активов (применение ее только к руководителю, в то время как часто на практике руководитель банкрота является номинальным и не принимает ключевые решения; действие вопреки интересам организации); ст. 315 (неисполнение судебного акта) УК РФ предусматривает санкцию за неисполнение судебного акта, однако вывод активов нередко осуществляется еще до провозглашения судебного акта по делу.

Отдельно несмотря на сложности, существующие при доказывании криминальных банкротств [12], Верховный Суд РФ не дает соответствующих разъяснений по вопросам применения ст.ст. 195–197 УК РФ в виде отдельного постановления пленума. Отчасти это объяснимо небольшим количеством уголовных дел. Вме-

сте с тем это не означает отсутствие проблем на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Уголовные дела по указанным составам не возбуждаются даже при наличии очевидных признаков «вывода» активов, а также причинно-следственной связи между соответствующими действиями и банкротством должника, при наличии заключений арбитражного управляющего о преднамеренном банкротстве.

Соавтор статьи в практической деятельности столкнулся со следующим делом, обстоятельства которого намеренно приводятся подробно, с тем чтобы читатель мог прочувствовать, до какой степени безбоязненными и при этом безнаказанными (после десятков жалоб на неполноту доследственной проверки и необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела) могут быть действия контролирующих должника лиц.

Прокурором Железнодорожного района г. Красноярска неоднократно отменялись постановления органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению конкурсного управляющего ООО «Флорист» по факту преднамеренного банкротства последнего¹.

Поводом для обращения в органы внутренних дел послужили действия руководства ООО «Флорист», которые заведомо повлекли неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредитора по денежным обязательствам (ООО «Солнечный берег-Сибирь»).

В 2010 г. ООО «Солнечный берег-Сибирь» обратилось с иском к ООО «Флорист» о взыскании задолженности в размере более чем 8 млн руб. Сразу после подачи иска в суд руководителем ООО «Флорист» совершены действия по «выводу» всего имущества организации на сумму, превышающую размер задолженности:

- вся дебиторская задолженность была «выведена» на свое аффилированное юридическое лицо (организация, учредителем и директором которой является родная сестра директора ООО «Флорист»), все денежные средства по обязательствам были перечислены на расчетный счет этого аффилированного лица. При этом аффилированная организация активно работала, занимаясь тем же видом деятельности;

- в пользу аффилированных лиц совершено отчуждение двух грузовых и одного легкового автомобиля, принадлежавших ООО «Флорист» (родной сестре и директору ООО «Флорист»). При этом суммы в договорах явно занижены, а деньги от реализации автомобилей на расчетные счета ООО «Флорист» не поступали;

- после наложения ареста на расчетные счета руководителем должника открывается новый расчетный счет, по которому за период в несколько дней со дня открытия и до наложения ареста «выведено» около 2,5 млн руб. денежных средств;

- в это же время руководитель ООО «Флорист» предъявлял в банки платежные поручения о выплате заработной платы ему же (директору), а также его родному брату на общую сумму более 500 тыс. руб. При этом обычная зарплата этих лиц – 20–30 тыс. руб., однако, очевидно, по причине более высокой очередно-

¹ Наименования юридических лиц изменены.

сти погашения, в период «вывода» активов превышала 100 тыс. руб. каждому;

– после совершения этих действий права учредителей ООО «Флорист» передаются фиктивному лицу, а организация меняет адрес регистрации (из г. Красноярск в г. Самару).

После этого бывшие учредители и руководство ООО «Флорист» на протяжении двух лет вели бизнес посредством ООО «ПИК-Трэйд», которое осуществляло те же виды деятельности, работая с теми же контрагентами, с которыми работало ООО «Флорист». В начале 2013 г. корпоративные права к ООО «ПИК-Трэйд» также передаются фиктивному лицу, а сама организация меняет место нахождения на г. Ставрополь. При этом кредиторы ООО «ПИК-Трэйд» так же не получили удовлетворения на сумму более 6 млн. руб. По настоящее время уголовное дело не возбуждено.

По мнению С.В. Красникова, преступлениями в сфере банкротства свойственна естественная латентность (только 9 % опрошенных кредиторов, не получивших свои денежные средства в результате незаконного банкротства, обращаются в соответствующие правоохранительные органы) [13].

Поэтому очень важно по каждому делу о банкротстве проводить тщательный анализ финансового состояния должника в целях выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства. В соответствии с действующим законодательством о банкротстве этот анализ проводится арбитражным управляющим. Вероятная ангажированность арбитражного управляющего, который *de facto* может действовать в интересах кредиторов (одного из кредиторов) или в интересах должника, в зависимости от того, кто предложил его кандидатуру и кто оплачивает его труд, обуславливает необходимость установления действенного контроля со стороны за проведением анализа признаков преднамеренного банкротства. Вряд ли саморегулируемые организации арбитражных управляющих в состоянии добиться качественной работы от арбитражного управляющего. Поэтому целесообразно поручить эту работу органам внутренних дел (хотя бы частично, по крупным должникам). Это, разумеется, приведет к дополнительным государственным расходам, однако в длительной перспективе компенсируется экономическим ростом и дополнительными налоговыми доходами бюджета.

В качестве одного из аспектов решения проблемы целесообразно установление уголовной ответственности в отношении арбитражного управляющего за заведомое сокрытие сведений о фактах «криминального»

банкротства. За проведение анализа финансового состояния должника ненадлежащим образом, если действия не содержат признаков уголовно-наказуемого деяния, следует установить специальную административную ответственность в виде длительной дисквалификации арбитражного управляющего и высокие штрафы. Такая ответственность может и не будет стопроцентным заградительным барьером для «вывода» активов, но существенно увеличит издержки оппортунистов, поскольку арбитражные управляющие согласятся на нарушения только за очень большие деньги.

Эффективное применение уголовной ответственности существенно повысило бы издержки оппортуниста. Высокая вероятность быть привлеченным к уголовной ответственности оттолкнула бы многих от попыток «вывода» активов. Также повысило бы издержки повышение санкций.

Комплексный подход к защите прав предпринимателей. Защита прав предпринимателей – комплексный институт права, состоящий из норм различной отраслевой принадлежности. Конкретные формы и способы защиты прав предпринимателей находят свое закрепление как в административном законодательстве (включая финансовое, бюджетное, налоговое), законодательстве об административных правонарушениях, уголовном законодательстве. Гражданское законодательство также является источником множества норм, имеющих целью защиту прав предпринимателей. Добиться обеспечения прав и интересов предпринимателей в рамках одной отрасли законодательства невозможно. Пренебрежение одними способами и средствами защиты прав предпринимателей в пользу других ставит под угрозу реализацию дела защиты предпринимателей в целом.

В литературе справедливо отмечается, что защита прав предпринимателей – не только защита от незаконных действий органов власти, контролирующих, надзорных органов, но и от нарушений со стороны других предпринимателей [14, с. 29, 57–73].

Решение проблемы выбора оппортунистического поведения при банкротстве является не менее важным для предпринимателей и всего гражданского оборота, чем защита их прав при осуществлении государственного контроля (надзора), однако не занимает важного места в повестке дня уполномоченных на защиту прав предпринимателей органов власти.

К сожалению, эта сторона дела остается в тени и зачастую не рассматривается в контексте защиты прав предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оливер И. Уильямсон. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 39–49.
2. Ulen T.S. Rational Choice in Law and Economics // Encyclopedia of Law and Economics / ed. by G. De Geest and B. Bouckaert. 2000. P. 790–818.
3. Вакутин А.А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. 22 с.
4. Кузьминов Д.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с банкротством: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 214 с.
5. Мецераков А.В. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие криминальным банкротствам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 20 с.

6. *Отчет о работе арбитражных судов субъектов РФ по делам о банкротстве за 12 месяцев 2017 года*. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls (дата обращения: 25.11.2018).
7. *Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2017 года*. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls (дата обращения: 25.11.2018).
8. Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // *Законность*. 2014. № 1. С. 38–42.
9. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007. 765 с.
10. Ляскало А.Н. Уголовно-правовая оценка некоторых объективных признаков криминальных банкротств // *Законность*. 2012. № 12. С. 18–24.
11. Финогенов А.В. О некоторых особенностях квалификации преднамеренных банкротств (ст. 196 УК РФ) // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2014. № 11. С. 47–52.
12. Емельянова М. Противодействие криминальным банкротствам // *ЭЖ-Юрист*. 2016. № 19. С. 6–7.
13. Красников С.В. Незаконное банкротство: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 27 с.
14. Витрянский В.В. Защита имущественных прав предпринимателей. М.: Бек, 1992. 158 с.

EFFECTIVE COUNTERACTION TO THE CONCEALMENT OF THE DEBTOR'S PROPERTY IN THE BANKRUPTCY BY CIVIL AND CRIMINAL LAW MEANS IN THE CONTEXT OF ENTREPRENEURS' RIGHTS PROTECTION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 46–52. DOI 10.17223/23088451/12/9

Aleksey I. Frolov, St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: f_ai@bk.ru

Vadim V. Cherepanov, Tomsk Region Advocate's Chamber (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim_2009@list.ru

Keywords: concealment of property, withdrawal of assets, transaction costs, economic analysis of rights, illegal actions in bankruptcy, deliberate bankruptcy.

The article presents the authors' perspective on the counteraction to the concealment of property from creditors as on an element of the system for protecting the entrepreneurs' rights. The authors dwell on the problem of the rational choice by the persons controlling the debtor of the variant of opportunistic behaviour predetermined by the ratio of the benefits and costs associated with the concealment of the debtor's assets. They argue that the civil law measures to counter the debtor's assets withdrawal are ineffective and emphasise the need to improve the criminal law methods to combat criminal bankruptcies. The study is based on the works by Russian and foreign researchers in the field of civil and criminal law, as well as on legislation and practice of applying the law in the field of countering the debtor's assets withdrawal in bankruptcy. The methodological basis of the study is both general and private scientific methods of cognition as well as methods of economic analysis of law. The analysis of civil remedies to counter the debtor's property concealment from creditors (in particular, the rules on challenging the debtor's transactions in bankruptcy cases, the rules on bringing controlling debtors to subsidiary liability) reveals their ineffectiveness. The controlling bodies do not face significant costs due to the civil means of countering the concealment of the debtor's property used against them. The analysis of the statistics of bringing to criminal liability for violations in the sphere of bankruptcy shows no adequate response from the law enforcement system to these violations. The threat of a debtor's "withdrawal of assets" is a circumstance that increases transaction costs and impedes economic development. The authors conclude that it is necessary to improve the mechanism of criminal prosecution for concealing property in bankruptcy as an effective means of fighting against unfair practices on the part of persons controlling the debtor. Criminal measures to combat bankruptcy crimes can lead to a significant increase in the costs of unscrupulous behaviour of the persons controlling the debtor and level off the interest in obtaining unfair advantages because of hiding property from creditors.

References

1. Williamson, O. (1993) Povedencheskie predposylki sovremennogo ekonomicheskogo analiza [Behavioural background of modern economic analysis]. *THESIS*. 3. pp. 39–49
2. Ulen, T.S. (2000) Rational Choice in Law and Economics. In: De Geest, G. & Bouckaert, B. (eds) *Encyclopedia of Law and Economics*. Edward Elgar Pub. pp. 790–818.
3. Vakutin, A.A. (2013) *Ugolovno-pravovaya otsenka nepravomernykh deystviy pri bankrotstve* [Criminal law assessment of illegal actions in bankruptcy]. Abstract of Law Cand. Dis. Omsk.
4. Kuzminov, D.A. (2007) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupleniy, svyazannykh s bankrotstvom: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Criminal law characteristics of crimes related to bankruptcy: A theoretical and applied study]. Law Cand. Dis. Rostov-on-Don.
5. Meshcheryakov, A.V. (2012) *Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodeystvie kriminal'nym bankrotstvam* [Criminal law and criminological counteraction to criminal bankruptcies]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017a) *Otchet o rabote arbitrazhnykh sudov sub'ektov RF po delam o bankrotstve za 12 mesyatsev 2017 goda* [Report on the work of arbitration courts of constituent entities of the Russian Federation in bankruptcy cases for 12 months of 2017]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls. (Accessed: 25.11.2018).
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017b) *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovno kodeksa Rossiyskoy Federatsii za 12 mesyatsev 2017 goda* [Report on the number of convicts for all the crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 12 months of 2017]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls. (Accessed: 25.11.2018).
8. Yani, P.S. (2014) The problems of classification of bankruptcy crimes. *Zakonnost'*. 1. pp. 38–42. (In Russian).
9. Volzhenkin, B.V. (2007) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti po ugolovnomu pravu Rossii* [Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

10. Lyaskalo, A.N. (2012) Criminal law evaluation of certain objective features of criminal bankruptcies. *Zakonnost'*. 12. pp. 18–24. (In Russian).
11. Finogenov, A.V. (2014) On certain peculiarities of qualification of intentional bankruptcies (Art. 196 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 11. pp. 47–52. (In Russian).
12. Emelyanova, M. (2016) Protivodeystvie kriminal'nym bankrotstvam [Counteraction to criminal bankruptcies]. *EZH-Yurist*. 19. pp. 6–7.
13. Krasnikov, S.V. (2007) *Nezakonnoe bankrotstvo: ugovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty* [Illegal bankruptcy: criminal law and criminological aspects]. Abstract of Law Cand. Dis. Chelyabinsk.
14. Vitryanskiy, V.V. (1992) *Zashchita imushchestvennykh prav predprinimateley* [Protection of entrepreneurs' property rights]. Moscow: Izdatel'stvo Bek.